

Глава 4 - Прости... Я вернулся слишком поздно...

Нин Ичу кивнул, затем повернулся к Хэ Шисяю спиной и лёг, натянув одеяло, — готовился спать.

Через некоторое время он услышал, как Хэ Шисяй осторожно встаёт, гасит свет в комнате и направляется к выходу.

С закрытыми глазами Нин Ичу вдруг произнёс:

— Я думал, ты захочешь уговорить меня оставить ребёнка. Что-нибудь в духе: «Я буду заботиться о тебе всю беременность, и никакого преждевременного рождения с тяжёлыми родами больше не случится», — или что-то вроде того.

Хэ Шисяй стоял у двери, уже почти прикрыв её, — и застыл.

— Уговаривать тебя оставить ребёнка, прекрасно зная, какой опасности ты при этом подвергаешься? А-Нин, ты правда думаешь, что я способен на такое... — ответил он тихо.

— Если честно, с самого начала я хотел, чтобы ты отказался от этого ребёнка. Не говоря уже о том, как редко встречается мужская беременность, — беременность и роды сами по себе опасны, особенно при твоём слабом здоровье.

Произнося это, Хэ Шисяй горько поджал губы.

— Но в прошлой жизни я промолчал. Думал, что ты искренне хочешь этого ребёнка. После того как ты порезал себе запястья, я боялся, что разговор об аборте будет воспринят превратно. К тому же, не испытав всего на себе, я лишь рассуждал отвлечённо — и всё равно недооценил истинную опасность.

— В прошлой жизни... после того, как тебя не стало, я сам растил ребёнка ещё три года. В этой жизни, без него, мне немного жаль. Но он прожил свою жизнь ценой твоей.

Хэ Шисяй смотрел на фигуру, лежавшую на кровати спиной к нему, и взгляд его теплел.

— Если бы можно было, я бы отдал свою жизнь в обмен на то, чтобы ты жил спокойно в той прошлой жизни. Теперь... хотя у нас есть шанс начать заново, прожить жизнь однажды — это не мелочь. Сколько бы я ни думал, та прошлая жизнь уже ушла. Я просто хочу, чтобы в этой твоей новой жизни ты жил полностью по своей воле, ни о чём не беспокоясь.

Нин Ичу тихо засмеялся.

— Какая преданность, великий романтик Хэ. Если бы я услышал эти слова прямо перед смертью в прошлой жизни — расплакался бы от умиления, как дурак.

Хэ Шисяй сжал дверную ручку, чувствуя смутное беспокойство.

В прошлой жизни Нин Ичу был на девятом месяце беременности, когда кто-то случайно толкнул его, и он упал с лестницы. Начались преждевременные роды. Он умер от острых послеродовых осложнений, и Хэ Шисяя не было рядом.

Хэ Шисяй снимался на съёмочной площадке.

— Потом я увидел... что ты звонил мне тогда... — произнёс Хэ Шисяй, его голос натянулся.

Нин Ичу не открывал глаз, лежа щекой на мягкой подушке, и ответил вскользь:

— Да. Я умирал. Лежал один в больничной палате и чувствовал горькое одиночество. Просто хотел с кем-нибудь поговорить. Подумал — и вышло, что ты единственный, кто, пожалуй, перекинулся бы со мной парой вежливых слов... Хорошо, что ты не ответил — иначе мне было бы так стыдно. Как можно прожить всю жизнь и умереть таким ничтожеством?

После краткого торопливого звука шагов Нин Ичу вдруг оказался крепко стиснут сквозь одеяло — Хэ Шисяй обхватил его изо всех сил, ни на что не глядя. Его волосы, всё ещё влажные от воды, которую Нин Ичу плеснул на него раньше, прилипли к его лицу. Нин Ичу уловил и металлический запах крови с шеи Хэ Шисяя.

— Прости...

— Прости... Я вернулся слишком поздно...

— Прости. Тогда я думал... раз ты всё равно не хочешь быть со мной, буду держаться подальше. Вернись за месяц до твоих родов. А до того времени лучше не попадаться тебе на глаза...

— Но съёмки затянулись. Я опоздал всего на один день... Прости... В этой жизни такого не будет. Не повторю той же ошибки. Больше никогда не пропущу ни одного твоего звонка...

— Прости, А-Нин...

Слушая его прерывистые, полные раскаяния слова, Нин Ичу ничего не почувствовал. Даже странное, непрощеное желание засмеяться.

— Ты правда так убит? Тогда дам скажу кое-что похуже, — прошептал Нин Ичу. — Угадай... в

прошлой жизни, после того как я умер родами, как долго ребёнок прожил после твоей смерти?

Хэ Шисяй оцепенел. Помолчав, ответил:

— Мои родители очень любили этого ребёнка...

По ответу Хэ Шисяя Нин Ичу понял: тот правда не знает о существовании сюжета оригинальной новеллы. Просто три дополнительных года жизни — и подробные воспоминания об этих трёх годах в сравнении с прошлой жизнью Нин Ичу.

Нин Ичу улыбнулся.

— Не после твоей смерти. Твои родители винили меня в ней. Они ненавидели меня и поэтому, хотя это был и твой ребёнок тоже, дали ему холодный приём и не хотели держать его в доме семьи Хэ.

Хэ Шисяя пронизал холод до костей.

— Семья Нин — Нин Цзэшу — взяли ребёнка к себе. Какой добрый и хороший человек, правда? Именно через этого ребёнка Нин Цзэшу случайно встретил моего биологического дядю и нашёл моих биологических родителей. После этого ребёнок своё дело сделал.

Оставлять у себя ребёнка значило бы создавать проблемы для Нин Цзэшу. Отвлекал бы его, отнимал время, мешал бы романтическим отношениям, переключал бы внимание биологических родителей Нин Ичу — и снижал выгоду, которую мог получить Нин Цзэшу.

Сюжетный инструмент должен уметь вести себя и не создавать трудностей для главного героя.

— Тайный воздыхатель Нин Цзэшу — нет, не тот, что убил тебя; твой убийца, конечно же, был пойман — ревнуя к новому роману Нин Цзэшу — с моим биологическим дядей, — захотел убить и его. Случилось так, что в тот день мой биологический дядя выводил ребёнка погулять. По стечению обстоятельств ребёнок погиб. Биологический дядя выжил.

Всё-таки он был главным мужским протагонистом — умереть он никак не мог.

А этот сюжетный ход в оригинальной книге тоже служил источником боли. Нин Цзэшу был в страшном горе от гибели ребёнка и получал много утешений. Главный протагонист тоже страдал и терзался чувством вины. Из-за этого они с Нин Цзэшу чуть не расстались — ещё одна мелодраматичная сюжетная линия.

Вспоминая этот сюжет в подробностях, Нин Ичу находил его довольно смешным.

Слушая, как Нин Ичу рассказывает всё это спокойно и бесстрастно, Хэ Шисяй почувствовал прилив крови к горлу — и почти не мог говорить.

Он до сих пор верил, что Нин Ичу после смерти в прошлой жизни наблюдал за всем происходящим как призрак.

Бессильно смотрел, как ребёнок, которому он отдал жизнь, воспитывается людьми, которые его не любят, становясь мостиком для чужих встреч. Как его собственные биологические родители и дядя тепло, почти нежно относятся к Нин Цзэшу. Как его собственный ребёнок умирает... Какую боль это должно было причинять.

Хэ Шисяй молча держал Нин Ичу.

— ...Прости.

— Тогда умри, — ответил Нин Ичу.

Хэ Шисяй виновато произнёс:

— Ещё нет... Нужно записать тебя на операцию, расследовать правду о той ночи в гостинице. Есть ещё что-то срочное, что мне нужно сделать?

Нин Ичу открыл глаза и чуть приподнял бровь.

— Есть. Отдай мне всё своё имущество. Всё.

Хэ Шисяй улыбнулся.

— Хорошо. Тогда в будущем ты будешь давать мне карманные деньги.

— Пошёл вон, — ответил Нин Ичу.

Хэ Шисяй встал, поцеловал Нин Ичу в волосы у виска, потом укутал его одеялом.

— Спи.

Нин Ичу с головой накрылся одеялом.

Должно быть, от накрывших его за этот вечер душевных бурь и умственного потрясения Нин Ичу после засыпания провалился в хаотичные, причудливые сны, а потом у него поднялась

температура.

Хэ Шисяй вышел из спальни, привёл себя в порядок в ванной — мокрый и растрёпанный, переоделся в пижаму, затем позвонил по внутренней линии домашнему врачу семьи Хэ. Попросил принести бинт и йод, чтобы обработать рану укуса на шее.

Потом сел на диван в гостиной и долго, не шевелясь, смотрел на дверь спальни.

Перед рассветом Хэ Шисяй очнулся от своих мыслей.

Он скользнул взглядом на утренний свет за окном и вдруг ощутил смутное беспокойство, похожее на панику. Человек в спальне казался лишь дерзким великолепным сном. Открой он дверь — и обнаружит кровать пустой, только холодный воздух.

Хэ Шисяй торопливо встал, подошёл к двери спальни, несколько раз глубоко вдохнул, затем осторожно опустил ручку.

В комнате стояла тишина — ни звука чужого дыхания. Сердце Хэ Шисяя ёкнуло. Он шагнул вперёд — и увидел силуэт под одеялом. Выдохнул с облегчением.

Прошёл ещё несколько шагов к окну — задёрнуть шторы, чтобы яркий утренний свет не потревожил сон Нин Ичу.

Перед тем как потянуть штору, Хэ Шисяй оглянулся на кровать. И увидел, что лицо Нин Ичу необычайно покраснело, а губы выглядят пересохшими.

— А-Нин... — воскликнул Хэ Шисяй в испуге.

Нин Ичу провалялся в горячке два дня. Иногда открывал глаза, но происходящее перед ним проплывало, как облака, не оставляя ничего в памяти, и он снова терял сознание.

Когда он наконец очнулся по-настоящему, ощущение было такое, будто прожил целую жизнь. Осознание того, что он возродился, приносило облегчение.

Видя, что Нин Ичу наконец полностью пришёл в себя после жара, Хэ Шисяй заговорил осторожно — словно слишком громкий звук мог расколоть хрупкую нефритовую фигурку перед ним.

— А-Нин... как ты себя чувствуешь?

Горло у Нин Ичу пересохло и охрипло. Он маленькими глотками пил воду, выпив почти весь

стакан, прежде чем стало чуть легче.

Хэ Шисяй помог ему сесть и прислониться к изголовью. Нин Ичу посмотрел в сторону окна.

Заметив это, Хэ Шисяй подошёл и медленно отдёрнул шторы.

Потоком хлынул солнечный свет. Нин Ичу на миг закрыл глаза, потом сказал:

— Есть хочу.

Хэ Шисяй облегчённо выдохнул.

— Хорошо, сейчас велю принести еду. Ты только что выздоровел, нужно что-нибудь лёгкое...

— Нет, хочу сам спуститься вниз и поесть, — возразил Нин Ичу.

Хэ Шисяй помедлил.

— ...Хорошо. Позволь помочь тебе переодеться?

Нин Ичу уловил его колебание.

— Что, я так выгляжу, что лучше мне не показываться на людях?

— Нет, — Хэ Шисяй тут же отверг это и честно объяснил: — Просто... из-за ран на шее и лице, и ещё потому, что за эти два дня я занимался составлением списка имущества. Там есть акции «Группы Хэ». Для передачи акций нужно одобрение совета директоров, поэтому остальные члены семьи уже знают, что я передаю свои акции тебе. Они два дня подряд поднимают шум. Боюсь, встреча с ними испортит тебе настроение.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1594454>